АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Вопросы истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 5 МАЙ 1988

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ПУБЛИКАЦИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

СООБЩЕНИЯ

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

ИСТОРИОГРАФИЯ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А. В. УШАКОВА «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ НА ПУТИ К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

В статье А. В. Ушакова в полемической форме обсуждается ряд вопросов, касающихся интеллигентской и пролетарской частей марксистско-ленинской партии [1]. «В нашей литературе,— пишет он,— имеется тенденция умаления роли интеллигенции в партии. Сторонники этой тенденции исходят из стремления показать, что большевистская партия была партией рабочего класса. Однако для подтверждения этого бесспорного марксистского положения вряд ли необходимо умалять заслуги интеллигентов-партийцев. В недавно вышедшей книге [2] В. В. Ложкин пытается доказать, что в изучаемое им время (1894—1903 гг.) в партии главную роль играли рабочие, ибо, как он считает, и в начальный период ее существования рабочих в ней было намного больше, чем интеллигентов-партийцев. Но ведь не только численность рабочих в партии определяет ее пролетарский характер. Он зависит также от того, каково содержание ее действий, политической программы и тактики» (с. 41). Приведенное высказывание содержит ряд неточностей.

Во-первых, не соответствует действительности мнение автора, будто кто-то в нашей литературе пролетарский характер большевистской партии обосновывает ее пролетарским составом. Напротив, в советской историографии имеет место критика «экономистов», меньшевиков, буржуазных либералов, современных буржуазных историков, которые пытались или пытаются это сделать [3]. В статье, на которую есть отсылка в упомянутой А. В. Ушаковым книге, я писал: «Как известно, одной из наиболее распространенных в буржуазной историографии после второй мировой войны является версия о том, что РСДРП возникла не как рабочая партия, а как партия интеллигентов. Пролетарский характер партии отрицался на основании того, что она по своему составу якобы была преимущественно интеллигентской. В нашу задачу не входит критика ложного методологического тезиса буржуазных авторов, согласно которому характер партии определяется главным образом ее социальным составом. Мы попытаемся показать фактическую неверность утверждения, что РСДРП по своему составу не была рабочей партией» [4]. Вряд ли верно объяснять стремление изучать социальный состав партии необходимостью доказать ее пролетарский характер. Этот вопрос важен и интересен сам по себе. Ясно, что если бы анализ состава партии показал, что рабочие составляли меньшинство в партии, это не изменило бы вывода о ее пролетарском характере.

Во-вторых, в моей книге не говорится о том, что «в партии главную роль играли рабочие». Явление нам кажется более сложным и многосторонним, чем оно выглядит в интерпретации А. В. Ушакова. Надо видеть диалектику взаимодействия рабочих и интеллигентов в рамках партии. Тема моей книги выражена в подзаголовке: «Рабочие-революционеры в борьбе за создание ленинской партии». В ней

---

[1] Вопросы истории, 1987, № 10. Далее при ссылках на статью в тексте указывается страница журнала.

[2] Ложкин В. В. Когорта славных. Рабочие-революционеры в борьбе за создание ленинской партии. 1894—1903. М. 1986.

[3] См. Юдин И. Н. Социальная база роста КПСС. М. 1973, с. 46—50 и др.

[4] Вопросы истории, 1983, № 7, с. 69.

сказано: «Центральное место в книге, естественно, занимают рабочие-революционеры. Но такое вычленение рабочих в живом организме социал-демократии носит условный характер, оно позволяет более глубоко уяснить их роль. Это ни в коем случае не умаляет значения социалистической интеллигенции. Рабочие социал-демократы действовали в тесном единстве с интеллигентами социал-демократами, они высоко ценили их, учились у них, перенимали их лучшие черты. И наоборот. Рабочие и интеллигенты в партии взаимно обогащались, дополняли друг друга, умножая сильные стороны, нейтрализуя слабости» [5]. В. И. Ленин, как известно, выступал против искусственного разделения, а тем более противопоставления в партии рабочих и интеллигентов, что было свойственно «экономистам» и меньшевикам. Он разработал проблему «интеллигентской и пролетарской... функции в социал-демократическом рабочем движении», раскрыл диалектическое единство их в партии, показал роль и значение пролетарского ее ядра как носителя революционности, организованности, идейной стойкости [6].

В разные периоды, в разных областях партийной деятельности на первый план выступали то интеллигенты, то рабочие. Но одна часть не могла успешно действовать без другой. В самый начальный период истории РСДРП главную роль играла социалистическая интеллигенция, которая пошла к рабочим, начала вносить социалистическое сознание в рабочее движение. При этом роль самих рабочих постоянно росла. В изучаемый период в какой-то области партийной работы решающую роль продолжала играть интеллигенция (развитие теории, пропаганда), а где-то ее стали играть уже рабочие-партийцы (агитация в рабочем классе, распространение в их среде нелегальной литературы, руководство забастовочной борьбой и т. д.).

В-третьих, непонятным выглядит утверждение А. В. Ушакова, будто в моей книге говорится, что и в начальный период существования партии «рабочих в ней было намного больше, чем интеллигентов-партийцев». Напротив, по подсчетам, опубликованным в книге, в первый период истории российской социал-демократии (1883—1893 гг.) среди членов РСДРП, социальное положение которых известно, рабочие составляли меньшинство (42%). В 1895—1896 гг. их стало 51,6%, в 1902—1903 гг.— 56,1%, т. е. не намного больше, чем интеллигентов [7].

Умаление роли интеллигенции А. В. Ушаков видит и в моей оценке состава ряда организаций. Он пишет: «Стремясь показать огромную роль рабочих в партии, В. В. Ложкин утверждает, что и ленинский петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», и московский «Рабочий союз», и местные комитеты партии состояли почти исключительно из рабочих. Так ли это? Если зачислять в члены партии всех участников кружков, то, несомненно, так, а если подсчитать, а еще лучше поименно назвать членов партийных организаций, то среди них окажется много интеллигентов» (с. 41—42).

В моей книге приведены данные, что в период деятельности «Союзов борьбы» в составе организаций рабочих было в целом лишь на 1—2% больше, чем интеллигентов, к моменту II съезда РСДРП — лишь на 6% больше. Что касается состава комитетов, то среди 232 членов комитетов и руководителей партийных организаций рабочих было 45%, т. е. меньшинство [8]. По данным нашей «Информационно-поисковой системы», созданной на том принципе, что именно поименно учтены были 5 тыс. участников социал-демократического движения России 1883—1904 гг., оказалось не просто «много интеллигентов», как пишет мой оппонент,— они составляют чуть меньше половины состава социал-демократов.

А. В. Ушаков пишет, что «вряд ли можно считать членами партии всех участников рабочих кружков, возглавляемых социал-демократами» (с. 41). В контексте

---

[5] Ложкин В. В. Ук. соч., с. 9.
[6] См. Ленин В. И. ПСС. Т. 4, с. 365; т. 12, с. 92; т. 17, с. 5, 357 и др.
[7] См. Ложкин В. В. Ук. соч., с. 134. «Что касается доли интеллигентов в партии в период ее зарождения, то нельзя отрицать, что процент их еще был велик»,— пишет А. В. Ушаков, приводя данные М. С. Волина (32% интеллигенции) о составе партии во время первой российской революции, но разве данные 1905—1907 гг. характеризуют партию в период ее зарождения?
[8] Вопросы истории, 1983, № 10, с. 79.

с другими его высказываниями[9] это звучит, как намек, что при наших подсчетах членами партии считаются все члены рабочих кружков и тем преуменьшается удельный вес интеллигенции, и возникает мысль, что участников рабочих кружков нельзя считать членами партии. Полагаю, если я правильно понял мысль оппонента, оба эти положения неверны. В наших подсчетах *членами партии не считаются* все члены рабочих кружков. Однако часть их не считать членами партии все же нельзя.

Объясняя принципы, по которым определялись члены партии, я в статье, на которую дается отсылка в книге, пишу: «Членство в организации кодировалось при наличии прямого указания источника о времени вступления в партию или характере деятельности в партийной организации, по которой в соответствии с ленинскими указаниями и партийными документами человека можно считать членом партии»[10].

Здесь мы подошли к ключевому вопросу, от правильного решения которого зависят результаты анализа состава социал-демократических организаций. Кого считать их членами? Я исходил из ленинских критериев членства в партии, подтвержденных прямым указанием источника. Идея ленинской формулировки § 1 Устава партии была вполне выражена уже в «*Письме к товарищу о наших организационных задачах*». «Условия вхождения в партию прямо указаны здесь, именно: 1) известная степень организованности и 2) утверждение комитета партии»[11]. Ленин уточнял: «По степени организованности вообще и конспиративности организации в частности можно различать такие, примерно, разряды: 1) организации революционеров; 2) организации рабочих, возможно более широкие и разнообразные (я ограничиваюсь одним рабочим классом, предполагая само собою разумеющимся, что известные элементы других классов тоже войдут сюда, при известных условиях). Эти два разряда составляют партию»[12]. В ленинских работах, документах большевистских комитетов определяется граница членства партии: в нее входят члены партийных комитетов, заводских подкомитетов, члены районных организационных собраний (районных комитетов), центральных кружков (групп организаторов на отдельных фабриках и заводах), групп агитаторов, пропагандистов, по борьбе со шпионами, боевых групп, разносчиков литературы[13].

Считать членами партии лишь членов комитета, на что сбивается А. В. Ушаков, подменяя *одно понятие другим, неправомерно*. Он пишет: «Если анализировать состав отдельных организаций «Северного рабочего союза», который В. В. Ложкин *также* считает в подавляющем большинстве по составу рабочим, то в Ярославском его комитете было двое интеллигентов и двое рабочих, в Костромском — шесть ин-

---

[9] Это видно и из его ссылки: «В. В. Ложкин приводит цифру рабочих, привлеченных в 1896 г. к дознанию по делу Петербургского «Союза борьбы». Она велика — 342 человека (см. Ложкин В. В. Ук. соч., с. 40). Но привлеченные по делу Союза рабочие необязательно являлись его членами. Они могли быть лишь участниками кружков, в которых социал-демократы вели пропаганду, и участниками забастовок, руководимых Союзом» (с. 41). Но 342 — это не число рабочих, а общее количество привлеченных к двум дознаниям. Среди них рабочие составляли три четверти. Ни я, *ни другие авторы, приводящие эти цифры*, не выдают их за зеркальное отражение состава организации. Эти данные доказывают лишь, что она по составу была преимущественно рабочей (простые участники забастовок в эти дела не включались). Правильно пишет Е. Р. Ольховский, приводящий эти же данные: «*И хотя жандармские* дознания и заключения Министерства юстиции не могут, конечно, быть единственным источником для суждения об удельном весе рабочих в социал-демократической организации Петербурга 90-х годов, но совершенно очевидно, что власти вовсе не склонны были преувеличивать число рабочих, участвующих в революционном движении. *Наоборот, они* пытались доказать, что оно — дело рук студенческой молодежи, пропагандистов-интеллигентов и т. п.» (Марксизм-ленинизм и питерские рабочие. Л. 1977, с. 76). Подобные заключения делают и другие авторы (см. Критика буржуазных концепций истории и *политики* КПСС. Л. 1974, с. 157; *Историография* петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Пермь. 1974, с. 185—186; В. И. Ленин и «Союзы борьбы». М. 1978, с. 106, 123).

[10] Вопросы истории, 1983, № 7, с. 69.

[11] Ленин В. И. ПСС. Т. 8, с. 250.

[12] Там же, с. 251.

[13] См. там же. Т. 7, с. 18—19; т. 9, с. 11; Третий съезд РСДРП. Протоколы. М. 1959, с. 636.

теллигентов и один рабочий, Владимирская организация (комитет не был создан) целиком состояла из интеллигентов, служащих земской управы. Только Иваново-Вознесенский комитет был в большинстве из рабочих» (с. 42).

При решении этого вопроса богатую пищу для размышлений дает дискуссия между большевиками и меньшевиками в начале XX века [14]. В ответ на заявление Ю. Мартова, что «рабочей партией наша партия еще является только идейно, а не по преимущественному составу ее организаций (комитетов), в числе членов которых процент рабочих весьма незначителен», в брошюре М. С. Ольминского и А. А. Богданова саркастически говорилось: «Вот он, «не бюрократический» взгляд на партию. Для тайного советника Мартова «люди» начинаются только со статских советников, члены партии — только с комитетов». В той же брошюре говорилось: «Наша партия уже по количественному составу — партия пролетарская. Ее основу составляют не два десятка комитетов по нескольку человек каждый, а многочисленные рабочие группы и организации, стоящие за этими комитетами. По имеющимся данным, каждая из 27 организаций 2-го съезда имела за собой сотни, а некоторые — тысячи организованных рабочих. Фактически на каждого социал-демократа интеллигента приходятся десятки организованных рабочих, и вовсе не пассивных, бессознательных политических младенцев, которые позволяют вести себя по какой угодно дороге. Из них рекрутируются многие члены комитетов, еще гораздо больше их стоит во главе районных и заводских организаций, работает в роли профессиональных агитаторов и т. д.» [15].

Партийный стаж многих старых большевиков-рабочих исчислялся со времени их вступления в социал-демократический кружок, например, А. А. Барышникова, И. В. Бугрова, А. П. Вагжанова, Е. И. Немчинова, К. М. Норинского, А. В. Шотмана [16]. Правомерность этого станет более понятной, если рассмотреть конкретно вопрос о составе ленинского «Союза борьбы». А. В. Ушаков называет фамилии интеллигентов, стоявших во главе его, о которых я также пишу в своей книге [17]. Но надо видеть всю организацию в целом. Ленин в плане статьи «1895 и 1905 (маленькая параллель)» сопоставляет размах, размер и формы социал-демократической работы тех лет. В 1895 г. «размах: тогда только кружки. Едва-едва *первое* начало массовой агитации... Формы. 10—16 человек (комитет). 20—30 рабочих кружков. 100—150 maximum связей... Теперь. Разрослась организация во много «этажей». С.-Петербург и Одесса [комитет — районы — организаторские сходки (центральные кружки) — группы, а затем «центр» и бюро. С пяток новых *этажей*]» [18]. Совершенно очевидно, что Ленин включает в организацию «Союза борьбы» рабочие кружки 1895 г., руководимые социал-демократами.

Анализ персонального состава этих кружков показывает, что многие их участники с этого этапа связали свою жизнь с партией. Такие рабочие, слушатели ленинских кружков, как И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов, Н. Е. Меркулов, И. Ф. Костин, П. С. Грибакин, Ф. И. Бодров, А. И. Бодров, Б. И. Зиновьев, В. А. Щеглов и многие другие, выполняли роль районных организаторов, хозяев конспиративных квартир, организаторов кружков, распространителей нелегальной литературы, агитаторов. Трое из названных лиц были авторы листовок, многие возглавили забастовки рабочих. Конечно же, эти члены рабочих кружков — члены партийной организации. Более того — это ее основа, основа ленинского «Союза борьбы».

Таким образом, являлся ли тот или иной член рабочего кружка членом партии, можно выяснить лишь путем конкретного анализа его партийной работы. Одного

---

[14] См. Галерка и Рядовой. Наши недоразумения. Женева. 1904; Рабочий. Рабочие и интеллигенция в наших организациях. С предисловием П. Аксельрода. Женева. 1904; и др.

[15] Галерка и Рядовой. Ук. соч., с. 57.

[16] См. Норинский К. М. Под надзором полиции. Воспоминания. М. 1974, с. 5, 10; Портреты выдающихся рабочих-революционеров России (конец XIX — начало XX в.) (биографические справки). М. 1983; Соратники. Биографии активных участников революционного движения в Москве и Московской области. М. 1985, с. 52—53, 76—77, 292; Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М. 1987, с. 590.

[17] Ложкин В. В. Ук. соч., с. 39 и др.

[18] Ленин В. И. ПСС. Т. 9, с. 396.

лишь факта участия в марксистском рабочем кружке (если это не центральный рабочий кружок) недостаточно, чтобы считать его членом партии [19].

Теперь о замечаниях А. В. Ушакова относительно состава московского «Рабочего союза». В них нет убедительных аргументов, приводятся лишь отдельные фамилии [20]. Думаю, что после анализа, проведенного В. Ф. Кутьевым, пролетарский характер и состав этой организации не вызывает сомнений [21].

Тенденцию к умалению роли интеллигенции А. В. Ушаков видит, наконец, в том, что я якобы утверждаю: «Крупнейшими выступлениями рабочего класса... руководили только рабочие» (с. 42). Однако это не соответствует действительности. В моей книге сказано, что «непосредственными руководителями экономических, политических забастовок, демонстраций были в большинстве случаев рабочие». Там приводятся фактические данные: среди активных участников и руководителей массовых революционных выступлений 1883—1903 гг. (маевок, стачек, демонстраций), по данным нашей выборки, рабочие составляли около 70% [22]. Что касается руководства ростовской стачки 1902 г., то в книге отмечается и роль интеллигенции [23].

Все сказанное выше делает сомнительным вывод о якобы имеющейся в нашей литературе тенденции умаления роли интеллигенции в партии. Действительная проблема заключается в необходимости более глубокого изучения ее истории, роли в ней как интеллигентов, так и рабочих. Следует отказаться от подхода «на глазок», общего теоретизирования или описательного изложения. Лишь тщательное исследование всей совокупности фактов, более широкое применение количественного анализа, скрупулезное изучение роли каждого участника событий позволит во всей полноте раскрыть общественно-преобразующую деятельность ленинской партии, и в частности соотношение и роль в ней рабочих и интеллигентов.

В. В. Ложкин

* *
*

Ознакомление со статьей А. В. Ушакова под многообязывающим названием «Демократическая интеллигенция России на пути к социалистической революции» вызывает ряд недоуменных вопросов. Первый из них таков: а признает ли автор разницу между буржуазно-демократической и социалистической революцией и революционностью? Не объединяет ли он эти понятия? Иначе как же могло получиться, что из 18 с половиной страниц статьи 16 посвящены описанию периода буржуазно-демократических революций в России, а две с половиной – перерастанию в революцию социалистическую и даже послеоктябрьскому периоду, когда в декабре 1917 г. В. И. Ленин писал: «Образованные люди уже теперь выделяются, переходя на сторону народа, на сторону трудящихся» [24].

---

[19] Этот вопрос нуждается в дальнейшей разработке. Возможно, что наш подход более применим к периоду с 1898 г., с момента I съезда РСДРП, создания комитетов партии или даже с искровского периода. А к более раннему периоду следует подходить более гибко.

[20] Назвав фамилии членов «шестерки», А. В. Ушаков пишет: «Затем в образовавшийся московский «Рабочий союз» вошли интеллигенты А. И. Ульянова-Елизарова, Д. И. Ульянов, П. Г. Смидович, Н. А. Семашко, А. Н. Орлов, М. Ф. Владимирский и рабочие К. Ф. Бойе, А. Д. Карпузи, Ф. И. Поляков, А. Н. Хозецкий» (с. 42). Среди интеллигенции следовало бы назвать хотя бы всех руководителей различных составов Союза (Л. П. Радин, К. И. Батурин и др.). Упомянутые же рабочие не «затем вошли» в Рабочий союз, а были его основателями и руководителями центрального рабочего кружка. Не зря М. Н. Лядов считает Ф. И. Полякова и К. Ф. Бойе «отцами Московской рабочей организации» (Кутьев В. Ф. Московский «Рабочий союз». М. 1985, с. 21).

[21] См. Кутьев В. Ф. Ук. соч., с. 307–317 и др.

[22] Ложкин В. В. Ук. соч., с. 138.

[23] «Политическим руководителем стачки был член Донского комитета С. И. Гусев». Указывается, что не случайно Донком именно его избрал делегатом II съезда РСДРП. «Рабочие наряду с интеллигентами, членами комитета, руководителями «Южно-русской группы учащихся средних школ» выступали ораторами» и т. д. (Ложкин В. В. Ук. соч., с. 116, 120).

[24] Ленин В. И. ПСС. Т. 35, с. 198.

Вызывает недоумение и тот «штучный подход», который последовательно применяется автором. Многое ли дает упоминание тетки А. А. Блока о том, что он ходил на одной из демонстраций 1905 г. с красным флагом, а С. Т. Коненков «командовал дружиной на Арбате» в 1905 г. для понимания пути к социалистической революции демократической интеллигенции? «Граф Л. Н. Толстой,— пишет А. В. Ушаков.— был непримиримым врагом самодержавия. Крупный фабрикант С. Т. Морозов помогал большевистской партии. Владелец фабрики, близкий к большевикам Н. П. Шмит был замучен в Бутырской тюрьме. И. Ф. Арманд, жена фабриканта, была крупным деятелем партии и международного рабочего движения. Офицер-большевик А. А. Костюшко-Валюжанич был расстрелян карателями во время подавления вооруженного восстания в Сибири. Дворянами по происхождению были В. И. Ленин, М. С. Ольминский, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Мещеряков, Г. В. Чичерин, Э. Э. Эссен, Г. К. Орджоникидзе, П. Г. Смидович и многие другие выдающиеся деятели большевистской партии. В то же время было немало случаев, когда выходцы из среды рабочих являлись защитниками самодержавия и реакции. Рабочие Афанасьев и Слепов возглавляли зубатовские общества в Москве. Создателями полицейских организаций в Петербурге были рабочий М. А. Ушаков и В. И. Смесов. Член большевистской фракции IV Государственной думы рабочий В. В. Малиновский оказался провокатором» (с. 44).

Серьезно ли в статью «Демократическая интеллигенция России на пути к социалистической революции» вставлять имена людей, составляющих гордость не только отечественной, но и мировой литературы и науки, но или не имеющих к социалистической революции прямого отношения (Л. Н. Толстой, А. П. Чехов), или открыто не принявших ее (М. Горький, В. Г. Короленко)? Зачем утверждать, что великие ученые, но люди довольно правых убеждений И. П. Павлов и В. М. Бехтерев «поддержали Советскую власть»? (с. 54). Не эмигрировали, остались с Родиной и со своим народом — да; но оказались «на пути к социалистической революции»? Неужели мы, историки, так и не извлекли опыта из истории своей науки? Неужели будем продолжать на отдельных примерах и примерчиках строить «глубокомысленные» выводы?

Главой Советского правительства в годы гражданской войны был потомственный дворянин В. И. Ульянов (Ленин), руководителями белого движения стали сначала генерал М. В. Алексеев, а потом генерал А. И. Деникин — оба внуки крепостных мужиков и дети солдат, дослужившихся до унтер-офицерских чинов. Но значит ли это что-нибудь? Только одно — всегда и везде вождей всем политическим партиям и течениям, как правило, дает именно интеллигенция — светская, духовная или военная — безразлично. «Интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»[25] — это было написано Лениным еще в 1903 г., и всеми признается за аксиому, а автор через 85 лет после этих слов пишет: «В нашей литературе имеется тенденция умаления роли интеллигенции в партии. Сторонники этой тенденции исходят из стремления показать, что большевистская партия была партией рабочего класса. Однако для подтверждения этого бесспорного марксистского положения вряд ли необходимо умалять заслуги интеллигентов-партийцев» (с. 41). В чем же ему видится это «умаление»?

В. В. Ложкин исследовал социальное происхождение более 5 тыс. участников социал-демократического движения в 1883—1904 гг. и пришел к выводу, что около 60% из них были рабочие. Он считает, что и петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», и московский «Рабочий союз», и местные организации партии состояли в большинстве из рабочих. Возражая на это, А. В. Ушаков пишет, что если подсчитать, а еще лучше поименно назвать членов партийных организаций, то среди них окажется много интеллигентов (с. 41—42). И далее следует поименное перечисление десятка руководителей отдельных союзов, что должно, по мысли А. В. Ушакова, «сбалансировать» приведенный В. В. Ложкиным факт: 342 человека были привлечены в 1896 г. к дознанию по делу петербургского «Союза борьбы» (большинство — рабочие).

[25] Там же.

Общеизвестны неприязнь и недоверие И. В. Сталина к «хлюпикам-интеллигентам», презрительный окрик его, брошенный на заседании в Кремле Н. И. Вавилову: «Это вы, профессора, так думаете. Мы, большевики, думаем иначе!» [26]. Сколько крови и бед принесло нашей стране это противопоставление — также общеизвестно. Но значит ли это, что теперь надо бросаться в другую крайность и «жаловать» любой демократической, антисамодержавной акции профессоров, врачей, агрономов, инженеров, студентов и т. д. и т. п. звание «революционного движения демократической интеллигенции», как это делает А. В. Ушаков в своей одноименной монографии? Термин *«революционно-демократический»* — *не награда, а «либерально-демократический»* — *не оскорбление*. Это констатация тех методов борьбы с самодержавным строем, который был так отвратителен почти всей российской интеллигенции.

Успех перестройки, к которой помаленьку приступает наша историческая наука, зависит от каждого из нас, от нашей научной добросовестности и принципиальности. Метод «перегиба палок» неприменим к истории, как и к любой другой науке, где нельзя, чтобы «выпрямить» — «перегнуть».

22 февраля 1921 г. Ленин писал: «Задача коммунистов внутри «Гоэлро» — поменьше командовать, вернее вовсе не командовать, а подходить к специалистам науки и техники («они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазными миросозерцанием и навыками», как говорит программа РКП) чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки, *памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма не так*, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, *а через данные своей науки*, что *по-своему* придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.» [27]. Не так прост и прям был «путь демократической интеллигенции России к социалистической революции», как это изобразил А. В. Ушаков. Судьбы многих людей, названных в его статье, убедительнее чего-либо другого говорят об этом.

К. Ф. Шацилло

---

[26] Литературная газета, 25.XI.1987.
[27] Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 346.

О ГЕНЕРАЛИССИМУСЕ ШЕИНЕ

В заметке «Первый отечественный генералиссимус» («Вопросы истории», 1987, № 7) Н. Н. Сахновский поднял некоторые вопросы дискуссионного характера. Я тоже считаю А. С. Шеина первым российским генералиссимусом, хотя на сегодняшний день среди специалистов нет на этот счет единого мнения. Например, «Советская историческая энциклопедия», ссылаясь на работу Д. Н. Бантыш-Каменского «Биографии русских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов», Шеина в числе генералиссимусов не упоминает [1]. Теперь – о тех положениях заметки, с которыми не могу согласиться.

Когда и в связи с чем Шеину было присвоено звание генералиссимуса? Н. Н. Сахновский считает, что во время второго Азовского похода, 28 июня 1696 года. Полагаем, что это случилось в связи с назначением Шеина главнокомандующим сухопутными войсками 9 января 1696 года. Звание генералиссимуса в конце XVII — начале XVIII в. присваивалось не за какие-то выдающиеся военные заслуги, а просто в связи с назначением на должность главнокомандующего сухопутными войсками. В гл. 9 Воинского устава 1716 г. читаем: «Сим чином коронованным главам и всяким владеющим принцам только принадлежит, а не иначе тому, чье есть войско» [2].

Как происходило это с Шеиным? Н. Г. Устрялов пишет: «От Петра не могло укрыться, что недостаток единоначалия, при разномыслии и несогласии генералов, был одной из главных причин неудачи первого Азовского похода. Для устранения

---

[1] См. СИЭ. Т. 4. М. 1963, с. 192.
[2] Книга Устав Воинский. СПб. 1719, с. 27.